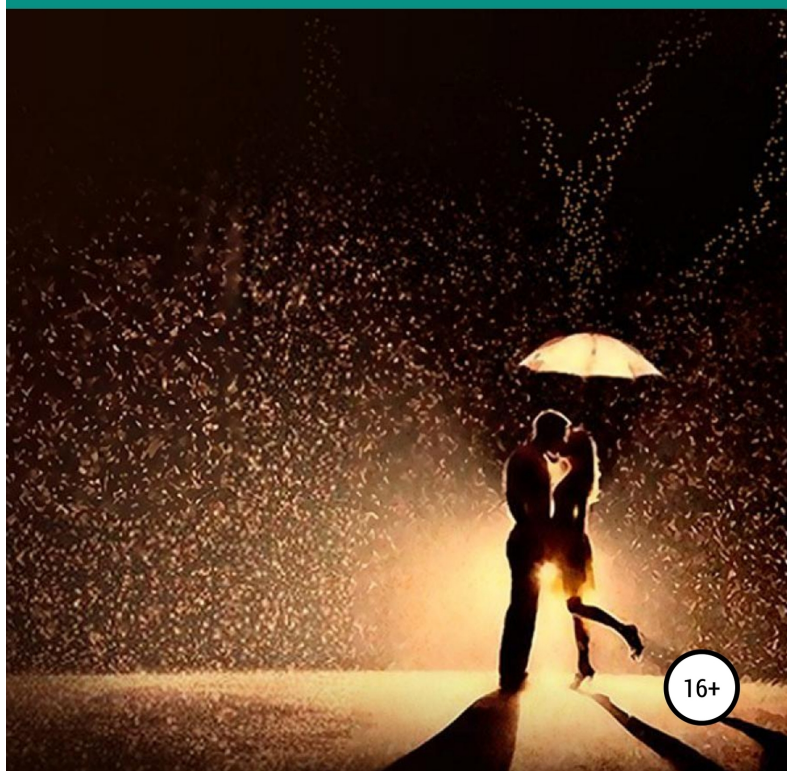

О.Гончаренко К.Рассомахин

Свинью подложили

Ироническая повесть о любви

16+

**Константин Рассомахин
Ольга Гончаренко
Свинью подложили**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37882706

SelfPub; 2019

Аннотация

Местами смешная, местами грустная история о женщине, которая долгое время искала и с огромным трудом нашла своего принца на белом коне.

Содержание

Сопливый Телескоп	4
Ржание рока	11
Жалобное пение суслика	19
Невинность юрского периода	27
Веселое чириканье протуберанца	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сопливый Телескоп

Когда и кто впервые произнес сакраментальную фразу о том, что моим женихом станет не простой смертный, а принц на белом коне, я уже не помню. Помню только, что с ранних лет я поверила в реальность этих слов. Еще в ясельном возрасте набросав в воображении приблизительные приметы жениха, я сама себе объявила принца в розыск и, словно Шерлок Холмс, с головой ушла в сыскную работу. Если бы кто-нибудь поднял меня среди ночи в возрасте около 7 лет и спросил бы, как должен выглядеть в отдаленном будущем мой предполагаемый избранник, я бы, не взирая на усталость, безотлагательно предоставила вниманию вопрошающего детально разработанный фоторобот разыскиваемого с подробным описанием внешности и черт характера: волосы светлые, кудрявые, летящие, овал лица совершенный, глаза ясные, мечтательные, небесно-голубые, нос прямой, решительный, губы манящие; рост высокий, телосложение атлетическое, осанка гордая, из особых навыков можно отметить прекрасное владение мечом и щитом, а также копьем, луком со стрелами и прочими видами вооружений в сочетании с ловкостью и изяществом в движениях; характер фантастический, благородный, к драконам и всякой сказочной нечисти беспощаден. Ну, и конечно, золотая корона на голове

плюс кипельно БЕЛЫЙ КОНЬ как неотъемлемая часть натуры. Обычно в таком виде принц являлся мне во сне, усаживал рядом с собой в седло и увозил в свою чудесную сказочную страну.

Мой первый принц – Шурик – идеально соответствовал этому образу: рыжеволос, зеленоглаз, ниже меня ростом на целую голову, без коня и короны, зато в очках с толстыми линзами, отчего старшие ребята прозвали его Телескопом, и с соплями до колен. Милый, трогательный, я просто сторала от любви! В то время я с папой и мамой жила в семейном общежитии строителей, и Шурик был моим соседом по этажу. Двадцать комнат на одну кухню с туалетом, теснота и грязь общаги, ругань и пьянство соседей, по будням – ужасы детсадовского одиночества, по выходным – радостная, щедрая жестокость уличных мальчишек, – лучшей почвы для выращивания мечты об отпрыске венценосных кровей невозможно было придумать.

Как-то раз, пригласив меня с Ирккой Козловой, белобрысой, жидковолосой девочкой, к себе в гости, он разрешил нам играть в кубики, а сам занялся грузовой машиной. Отец Шурика был на работе, мама стирала белье в коридоре у двери, мы в комнате остались одни. Небольшому дворцу из кубиков оставалось только пристроить башню, как вдруг Телескоп, позавидовав плодам наших стараний, подъехал со своим грузовиком к стройке и обратился с требованием:

– Дай кубик.

– Не дам, – твердо сказала Ирка.

– Дай кубик.

– Не дам, – встала Ирка с пола.

– Дай.

– Не дам, – ответила та и шагнула к нему.

В следующую минуту Ирка вцепилась бы в него зубами или плюнула бы, как она обычно это делала в подобных ситуациях, но Шурик опередил ее криком:

– А-а-а... мама!..

Слезы и сопли брызнули из него одновременно и незамедлительно. Тут же с мокрым полотенцем в руках в комнату вбежала тетя Галя, мать Шурика.

– Что тут у вас?

– Она меня стукнула, – пожаловался Шурик, тыча в Ирку пальцем.

– Ты его стукнула? – спросила тетя Галя, схватив Ирку за шиворот и развернув ее к себе.

– Нет, он кубики хотел отнять, – ответила Ирка.

– Дай кубики, – протяжно всхлипнул Шурик и выдул из левой ноздри один за другим три больших пузыря.

– Что тут у вас? Она его стукнула, Сима? – с надеждой в голосе обратилась тетя Галя ко мне.

– Нет, – лаконично ответила я, продолжая строить дворец. – Ирка только кусается и плюется.

– А что, она его укусила? – испугалась Шуркина мать, выискивая на сыне следы от укусов.

– Нет, она не успела.

– Хочу кубики! – отчаянно завопил Шурик и, упав на пол, распластался на деревянных досках.

– Ах ты, зараза! – вскрикнула тетя Галя, и мокрое полотенце заплясало по рукам и ногам Шурика. В следующий момент маленькая, пухлая женщина одним рывком выволокла, как тряпичную куклу, бьющегося в истерике сына в коридор и захлопнула за собой дверь.

Выражение плаксивости на лице Телескопа присутствовало постоянно. Сколько бы раз в детстве он ни попадал в объектив фотокамер, всегда он оставался запечатленным с неизменной кислой улыбкой на лице и глазами на мокром месте. Но любила я его, естественно, не за это, а за его миролюбивый характер, за то, что в ожесточенных детских ссорах и потасовках, когда каждый норовил наподдать другому как можно сильнее, он никогда не давал сдачи.

Серьезным препятствием на пути моей любви к Шурику являлись четыре соседки по общежитию, причем ситуация усугублялась тем, что осенью мы все дружно собирались пойти первый раз в первый класс, где количество соперниц угрожало перерости все мыслимые и немыслимые пределы. Поэтому перед тем, как разъехаться на лето по бабушкам и дедушкам, я решила официально застолбить за собой все права на Телескопа.

Майский солнечный денек своим веселым чириканием из открытых окон сулил мне надежду на скорое воплощение

мечты. Собрав своих подружек в коридоре, я объявила им, что скоро начнется бал принцесс, и девчонки кинулись наряжаться. Шурик, узнав про наши приготовления, появился из своей комнаты в солдатской пилотке, с большим пистолетом в руке и сказал, что он, как и положено красноармейцу, будет защищать меня от бандитов. Разрядив в меня несколько пистонов, Шурик согласился надеть на себя красную занавеску, поблагодарив за отличную плащ-палатку. Я тоже накинула на себя красную скатерть, украсив ее большим розовым бантом. Остальные принцессы явились на бал в нарядах, сооруженных из полотенец и маминых халатов. Предоставив сливкам общества пару минут пофорсить друг перед другом в невообразимых убранствах, я огорошила всех новым заявлением:

– Сегодня по случаю Солнечного Дня самый прекрасный принц выберет себе в жены самую прекрасную невесту.

Красноармеец, не поняв, что речь зашла о нем, пальнул в воздух еще один пистон и посмотрел вокруг, ожидая появления принца.

– Меня, меня! – закричали наперебой принцессы. – Это мой принц, мой.

К недогадливому бойцу со всех сторон потянулись любящие руки.

– Ура! Бей фашистов! – прорвав оцепление, заорал красноармеец. Убежал к себе в комнату и, вернувшись с новой порцией пистонов, открыл беспорядочную стрельбу по пре-

тенденткам на руку и сердце. Девчонки с визгом бросились врассыпную.

– Стойте, стойте, – замахала я руками в отчаянии, рванувшись к Шурику, и заслонила собою дуло пистолета. – Принц выберет себе в невесты ту принцессу, у которой наряд такого же цвета, как и у него.

Красноармеец посмотрел на меня с нескрываемым восторгом. Ему еще ни разу в жизни не доводилось наблюдать за тем, как люди бросаются на амбразуру.

– Он должен выбрать меня, – настаивала я на своем. – Ну, что, выбираешь?

Зародившийся интерес к новой, увлекательной, но непонятной игре вступил в противоречие с просыпающейся неосознанной досадой. До Телескопа медленно стало доходить, что его спутали с кем-то другим, но выразить свое смятение словами он был не в силах.

– Выбираешь? – повторила я свой вопрос.

В ответ Шурик скучился и приготовился зарыдать.

– Он согласен, – сообщила я всем, кто не понял, решение принца. – И по этому поводу объявляется пир на весь мир.

Мысль о еде успокоила потрясенного принца, а вместе с ним и отвергнутых принцесс. Обедать сели прямо в коридоре, притащив из своих комнат детские столы и стульчики и выстроив их в ряд. На праздничный стол легли припрятанные в закромах у родителей монпансье, печенье, аскорбинки, плитки гематогена, ириски «Кис-кис» и даже два ваниль-

ных пряника. Моя мама и тетя Галя, узнав о готовящейся свадьбе, посмеялись, но принесли к столу пироги, плюшки и свежий вишневый компот.

– А на свадьбе обычно кричат «горько», – ехидно заметила Светка Баранкина.

– Зачем? – нестройным дуэтом спросили мы с Шуриком.

– Чтобы целоваться, – прыснула Светка и со стыда сползла под стол.

Все с любопытством посмотрели на нас. Под перекрестными взглядами подружек мне вдруг тоже стало не по себе.

– Я при всех целоваться не буду!

– Зачем при всех? – захихикала Ирка. – Надо уйти за дверь и там целоваться.

Оскорбленная ее неприличными словами, я гордо вышла за дверь, на лестничную клетку, где действительно обнаружила очень уютную нишу для поцелуев, которую раньше почему-то не замечала. Постояв немного в нерешительности, я размечталась, что это и впрямь было бы неплохо, если бы Шурик последовал сюда за мной. Спрятавшись за дверь, стала ждать. Телескоп появился нескоро, дожевывая липнущую к зубам ириску, и как честный человек со слезами на глазах признался, что не может меня поцеловать, потому что давно уже целуется с Иркой. Так впервые в жизни меня постигло разочарование от расхождения мечты с реальностью.

О, принц, мой принц, куда ты ускакал?

Ржание рока

Второе мое разочарование называлось Колобок. Конечно, не тот, которого слопала хитрая лиса, а тот, который пришел к нам в школу в шестом классе – полноватый мальчик, примерно одного со мной роста, по-монгольски узкоглазый, но со светлыми волосами, шибко умный и здорово политически подкованный.

– Я считаю, что зря иранский царь Дарий пытался выиграть войну у Александра Македонского, – заявил Денис Колобов, в первый же день своего появления в нашем классе вызванный к доске на уроке истории, – потому что у Александра стояло на вооружении очень профессиональное и хорошо оснащенное греческое войско, и к тому же Александр был одаренный полководец. Хотя, впрочем, по моему мнению, Македонскому нечего было задирать нос, и после завоевания всей Азии объявлять себя богом. На самом-то деле вышло, что этот новоявленный бог оказался смертным человеком. И пускай ученые считают важным, что Александр Великий смог объединить разрозненные государства древности в единую могучую империю, все же лично я осуждаю грубую, захватническую политику македонского царя.

Весь наш класс во главе с Полкан Полканычем (Павел Иванович Дутыш) был поражен и шокирован его смело-

стью и проклевывающимся вольнодумством. Это смахивало на бунт против махровых социалистических ценностей – в восьмидесятых-то годах! Колобка все сразу зауважали, включая заштатных задир и драчунов. Меня также заинтересовала его личность, особенно после того, как он решился сесть за одну парту не с хулиганом Лукиным, и не с неряхой Ионкиной, а с очень странной девочкой, одиноко сидящей на галерке, возле окна, в самом дальнем от входа углу класса. За то, что Денис проделал ко мне такой длинный путь через косые взгляды одноклассников, я прониклась к нему уважением, а некоторое время спустя мы крепко подружились. О чем только мы ни говорили, встречаясь в школе или во Дворце спорта, где он занимался акробатикой, а я – художественной гимнастикой, – о прочитанных книгах и просмотренных фильмах, о школьных делах и последних событиях в мире. Лучшего друга трудно было и вообразить, и эту дружбу я не считала любовью до тех пор, пока в один прекрасный момент со мной не произошло то, что однажды произошло с Евой, – я как будто что-то съела. И съела явно что-то не то.

Весна любви! Первые поцелуи, неуклюжие объятия, нелепые ухаживания, идиотские признания – я думала, что сойду с ума, не дождавшись своей очереди. Одна половина моих одноклассников и одноклассниц самозабвенно, упоительно писала друг другу любовные записки и назначала свидания. Другая половина – та, которая не осмеливалась на романтические подвиги, – шпионила за первой, добывая информа-

цию о явках и паролях, так как весенний вопрос одинаково волновал и тех, и других. Забавно было наблюдать за тем, как дети-шпионы вечерами, на прогулке, устраивали слежку за прячущимися в подворотнях Ромео и Джульеттами, чтобы на другой день в школе посплетничать о том, кто с кем целуется. Нам всем было страшно впервые в жизни выставить свои чувства напоказ, на посмешище перед друзьями, родителями и учителями, но, когда вдруг проснувшаяся после зимней спячки природа протянула ко мне свои невидимые, чуткие руки, обняла меня трепетно и нежно, повлекла за собой, закружила в священном танце стихий и ароматов, подхватила на крыльях любви и унесла куда-то в поднебесье, я воскликнула:

– Елки зеленые!.. Колобок – это же мой принц! И азиат, и полноват, и коротко стрижен – в общем, мужчина моей мечты!

А воскликнув, я моментально договорилась с ним о месте и времени конспиративной встречи.

К тому времени моя семья переехала из строительного общежития в новую двухкомнатную «хрущобу», и школа, куда я перешла учиться, располагалась прямо под окнами нашего дома. Там, где раньше пылил пустырь, медленно поднимался новый микрорайон. Вдоль проезжей части только-только насадили тополя, а на школьном дворе, где, кроме дикой, душистой травы, никакой зелени не росло, было, как у лысого на макушке. На этой лысине я и назначила Колобку свое пер-

вое в жизни свидание. Никто не мог заподозрить, что я здесь, на ступенях школы, а не где-то в темных кинотеатрах или в изобилующих укромными уголками парках и сквериках, на виду у всех учащихся и учителей, устраиваю очную ставку с человеком, которому я решила посвятить всю свою жизнь. Изящные картины, писанные маслом, – симметричные аллеи, перламутровые фонтаны с плавающими в них белыми лебедями, великолепные дворцы, золотые кареты, парчовые убранства с декольте, блеск от рукоятки шпаги на эфесе – заполнили мое воображение.

Чтобы выглядеть поэффектнее, я попросила маму погладить мое любимое шелковое платье в мелкие груши и цветочки, с зеленым шелковым бантиком на груди и с рукавчиками фонариком – наряд, который больше подходил для детсадовского утренника, чем для такого секретного мероприятия, как свидание.

– Ты куда собираешься, в парк? – спросила меня мама.

– Нет.

– А зачем так наряжаешься?

– На свидание пойду, – гордо вскинув голову, ответила я.

Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Я стояла в прихожей перед большим зеркалом, заплетая в косу свои длинные кудрявые волосы, как вдруг то ли у меня, то ли у самой жизни произошел какой-то странный сдвиг по фазе. Все обычные человеческие дела, рутина и повседневность существования словно отошли на второй план, усту-

пив место новому неизведанному состоянию. Я неожиданно поймала себя на мысли: «Как это удивительно, что мама старательно, с усердием гладит мне платье, папа, инстинктивно дергаясь, смотрит по телевизору спортивную передачу, бабушка, наверное, погруженная в свои воспоминания, вяжет в спальне на спицах, и никто не замечает, что мир по всем вертикалям и горизонталям пронизан одной лишь сплошной любовью? Неужели люди так слепы и несчастны? Неужели никто не замечает того, что является самым важным в жизни, того, что составляет смысл бытия? Вот она, во мне, эта любовь, журчит ручейками, распускается цветочками, чирикает под облаками пташками, звучит согласными аккордами. Сердце колотится в такт с целой планетой, со всем мирозданием, с ангелами и богом. Неужели я одна все это вижу, понимаю и чувствую, а другие – нет?»

– Ты что, шутишь? – прервала ход моих мыслей мама, отразившись в зеркале у меня за спиной с выглаженным облачением в руках, и, увидев, что я не уяснила суть вопроса, уточнила. – Насчет свидания?

– Шучу.

– Пущай деточка сходит проветриться, – сказала из спальни партизанка-бабушка, которая всегда была в курсе моих секретов.

Да, пожалуй, с заключением по поводу того, что бабушка вместе со всеми слепа, я слегка поторопилась. Пусть она и не ощущает все так, как ощущаю я, пусть воспринимает любовь

как-то по-своему, с высоты прожитых ею лет, но, по крайней мере, хоть кто-то может понять меня – и то радует.

– Хватит дурить! Какое еще... эх!.. свидание?.. Ну?! Нет... ё! Сеня Редькин! – выпалил папа, импульсивно сопереживая резвящимся дядькам в телевизоре, целеустремленно отнимающим друг у друга мяч, но, через мгновение, увидев меня, промелькнувшую мимо него в платье, отметил: – Хороша! Вся в меня, бу-га-га-га! – загоготал он и погладил свою лысеющую голову.

Поток школьников второй смены уже схлынул. Выглянув в окно, я увидела, что Денис ждет меня возле школьного крыльца.

– Я ненадолго, – крикнула я домочадцам с порога.

Через мгновение я уже стояла на школьном дворе и смотрела, как мои папа, мама и бабушка, жадно облепив единственное, выходящее на сторону школы окно, наблюдают за мной и Денисом. Толстенная коса, уложенная вокруг головы, белое платье с желтыми грушами, зеленый бант, красные мамины туфли на высоких каблуках – такой внешностью можно было сразить наповал кого угодно, хоть лошадь, хоть слона. Однако Колобок при виде меня устоял на ногах. Правда, долго не мог рта раскрыть от обуревающих его противоречивых эмоций, но на ногах держался прямо.

– Ты мне очень нравишься, – начал благородный принц, и взял меня за руку. От счастья я на первой космической скорости взмыла в седьмое небо. – Я всегда мечтал о такой,

как ты... подруге! – и, сверзившись с эмпирея, я разбилась в лепешку, рухнув на грешную землю. – Поверь, мне с тобой очень хорошо, – и меня на второй космической опять закинуло куда-то ввысь, – но я уже встречаюсь с... другой девочкой, – и, звонко стукнувшись обо что-то твердое в лазури, я снова вошла в пике.

В таком духе, то взмывая в небеса, то срываясь с горних высей и проваливаясь в бездонные пропасти, прослушала я разрывающее душу выступление Дениса. Потрясенная амплитудой колебаний, потерянная, опустошенная, оставшаяся кувыркаться в воздухе где-то между небом и землей, я вдруг вспомнила о подглядывающих родителях, подняла голову вверх, но никого не увидела в окне, зато в огромном белом облаке, выплывающем из-за крыши дома, отчетливо разглядела голову коня. Вот она, насмешка фортуны, подумала я про себя, хотелось непременно принца на лошади – пожалуйста, вот тебе затылок удаляющегося принца, а вот и белесая кобыла. Однако минутой спустя, рассудив здраво, я поняла, что лошадиная морда в небесах – это совсем не фарс и не издевка рока. Это сам Пегас, проникнутый глубиной моих страданий, примчался мне на подмогу. Придя домой, я, не переставая рыдать над своей горькой участью, породилась первым в своей жизни стихотворением:

Зачем довелось мне на свет появиться?

Как видно затем, чтоб в Дениса влюбиться.

Теперь я хочу лишь упасть и разбиться,
Чтоб с лютой любовью своей распроститься.
Быть может, тогда он ко мне возвратится
И молча над гробом моим прослезится.

Хочу, чтобы дождь надо мною закапал,
И вместе с родными моими поплакал.
Закончится дождь, на земле станет ясно,
И все вдруг поймут: без меня жить прекрасно.
Любите, встречайтесь, живите счастливо,
А мне больше жизнь эта невыноСИМА.

Шедевр! И в конце, выделенная крупными буквами подпись автора – мурашки по спине. После этого я еще долго считала себя поэтессой, пока случай не свел меня с настоящим стихотворцем.

Жалобное пение суслика

Внешне Эдуард идеально соответствовал моему представлению о принце. Светловолосый, худощавый, изящный, томный, ну, прямо герой из сказки Шарля Перро «Спящая красавица». К тому же, он первый сделал мне предложение, самым натуральным образом попросил моей руки, что привело меня в сильное замешательство. Случилось это после того, как я, окончив девятый класс, отправилась работать старшей вожатой в пионерский лагерь «Лесная сказка».

Наше знакомство состоялось в клубе, на танцплощадке. Эдуард пел в составе вокально-инструментального ансамбля, приезжавшего к нам из соседнего села. Их группа каждый вечер устраивала дискотеки в нашем лагере. Однажды, заметив, что кто-то из пионеров на время медленного танца вырубил прожектора, я заскочила в клуб проследить за порядком и в случае чего наказать того, кто первый под руку подвернется. Свет горел только на сцене, где Эдуард исполнял грустную песню о любви:

«Чем себя напрасно мучить,
Я влюблюсь в другую лучше...»

А тем временем расторопные пионеры, разбившись по

парочкам, с детским трепетом прильнули друг к другу. Я поднялась на лестницу, соединяющую площадку с эстрадой, чтобы обозреть с высоты, на месте ли отрядные вожатые, бдят ли они за нравственностью вверенных им детей, как вдруг почувствовала, что Эдуард, отвернувшись от зала, жалобным больным сусликом смотрит в мою сторону. Я повернулась к нему, наши взгляды встретились, и он задрожавшим голосом обратился ко мне со вторым куплетом:

«Словно плыл рекой широкой,
Словно плыл рекой широкой,
И на самой середине
Унесло волной весло.
От надежды мало проку.
До чего ж мне одиноко!
Вот увидишь, вот увидишь,
Я влюблюсь тебе назло».

Сдерживая себя из последних сил, чтобы не смести своим хохотом танцующих, я от напряжения густо покраснела, что, видимо, Эдуардом было воспринято, как зарождение ответного чувства. Осторожно, тая в себе атомный взрыв смеха, я спустилась вниз, не дослушав песню до конца, и уже далеко за пределами танцплощадки, направив ударную волну смертоносного хохота в лес, звонко и безудержно разрядилась.

После того вечера мне стало немного жаль милого маль-

чика с гитарой, поэтому на следующий день я снова пошла на дискотеку, отчасти ради того, чтобы убедиться в подлинности и силе его симпатии, отчасти ради того, чтобы поддержать его пыл, вселить в него надежду, которая – чем черт не шутит – могла бы оказаться и не безосновательной. Стоило мне только появиться на танцплощадке и подняться на приступку, как Эдуард опять отвернулся от всех, обратил на меня свой голодный взор и, никого не стесняясь, стал петь песню для меня одной. Бедненький, как мне было жалко его в ту минуту! Спустившись со ступенек и пройдя в самый дальний конец зала, я встала там, у стены, дабы лишний раз убедиться, что содержание песни относится именно ко мне, и Эдуард, ни на секунду не выпуская меня из поля зрения, закончив петь одну песню, так объявил начало следующей:

– А сейчас я спою вам песню собственного сочинения. Она посвящается самой красивой девушке, которая сегодня находится здесь, вместе с нами.

И затянул одну из самых длинных песен в истории человечества. Первый куплет совершенно меня очаровал, так как я поняла, что встретила родственную душу.

Ах, зачем я полюбил? Просто нету сил.
Взгляд твоих холодных глаз так невыносим.
Для тебя стихи пишу, их тебе пою,
Чтобы ты могла узнать, как тебя люблю.

Припев:

Эх, шуба-дуба-ду, уа-уа!

Эх, шуба-дуба-ду, уа-уа!

Эх, шуба-дуба-ду, уа-уа!

Эх, шуба-дуба-ду, уа-уа!

Особенно замечательно было то, что на последнем «уа-уа» волнующий тенорок Эдуарда переходил в душераздирающий фальцетик. Мысль о том, что я должна ответить собрату по перу такими же пронзительными строчками, не покидала меня примерно до двенадцатого куплета. Однако на двадцать первом мной овладели опасения, что стихотворное послание Эдуарда по всем своим параметрам приобретает какое-то астрономическое измерение, и посему об адекватном ответе стихотворцу нечего даже и помышлять. Я огляделась по сторонам – на лицах ритмично колышущихся пионеров отразился восторг, и стало понятно, что родилась новая сверхплотная звезда. После тридцать какого-то куплета, когда я потеряла всякую надежду дождаться окончания песни, уяснить себе смысл происходящего и решила больше никогда не писать стихи, ударник внезапно отчаянно шендарахнул по тарелкам, и из динамиков вырвался отчаянный вопль певца:

– Горе мне, горе, уа-уа!

Тремя днями позже мы познакомились.

Разнывшуюся от лагерной пищи печень я поправляла зве-

робоем, который сама и собирала в тихий час на соседнем непаханом поле. Из этой травы получался вкусный и полезный напиток, им я по вечерам угощала своих соседей по домику – старшего воспитателя, библиотекаря и физрука. И вот в очередную мою вылазку за зверобоем Эдуард подкараулил меня в яблоневом саду, отделяющем поле от лагеря, и приблизился, когда я уже возвращалась обратно с охапкой цветов.

– Привет!

Его белая рубашка и черные штаны сообщали торжественность моменту.

– Мне нужно с тобой поговорить.

Его обращение на «ты» слегка меня обескуражило.

– Говори... те...

Мы уселись рядышком на земляную кочку. Охапку зверобоя я положила справа от себя, на травку, и с возвышения, на котором был разбит лагерь, окинула взором окрестности. Внизу перед нами, до самого горизонта простирались леса и поля, а по небу сонно двигались пушистые облака.

– Я уже все давно про тебя знаю, – начал Эдуард.

– То есть как – все? – опешила я.

– Ну, так. Как тебя зовут, сколько лет, где ты училась, что ты любишь.

– А зачем?

– Я тебя люблю, хочу, чтобы ты стала моей женой. Мы поселимся в доме у моих родителей, потом отец поможет мне

построить мой собственный дом, и у нас будет много детей. Надо только подождать один год, пока я закончу школу.

Я напружинилась, ожидая какого-то подвоха.

– Как тебя зовут? – спросила я, выгадывая время на размышление и возвращение в себя. Впервые в жизни человек сам, без посторонней помощи, без намеков и интриг делает мне предложение.

– Эдуард, – ответил жених.

– Эдуард, – повторила я, вслушиваясь в это редкое имя. – Забавно.

Именно так и должны звать настоящего принца. Подкупала и романтичность ухаживания – не каждый день о тебе слагают песни из тридцати с лишним куплетов да еще исполняют их перед всем честным народом. Раздражала лишь некоторая скоропалительность и то обстоятельство, что принц еще не закончил школу. Когда мой юный жених возобновил свою речь и стал расписывать мне красоты деревенской жизни, соблазняя коровой, курами, гусями и огородом, я вдруг задалась вопросом, а кому и почему пришла в голову столь оригинальная идея – назвать простого деревенского парня Эдуардом. В памяти всплыла история, случившаяся с одной моей знакомой.

Люся Ряхина мечтала поскорее выйти замуж, чтобы сменить фамилию. Ей очень нравился один молодой человек. Они познакомились, полюбили друг друга с первого взгляда, и вскоре мужчина сделал ей предложение. Поколебавшись

пару минут для приличия, Люся согласилась, но не преминула осведомиться насчет фамилии.

– Это не важно, – ответил ей жених. – Главное, что мы любим друг друга, а фамилию я возьму твою.

– Нет, – возразила невеста, – тебе не понравится моя фамилия. Лучше я возьму твою.

– А как же твоя фамилия? – опешил тот.

– Ряхина. А твоя?

– Неряхин.

С опаской я решила поинтересоваться у Эдуарда, не скрывается ли за поспешностью его свадебных приготовлений та же причина.

– Нет, – ответил Эдуард, – я даже и не думал об этом. Я очень тебя люблю и хочу на тебе жениться. А фамилию я менять не собираюсь. Мне моя фамилия нравится, и ты, конечно, тоже будешь ее носить.

Я вздохнула с облегчением. До того момента моя собственная фамилия Стародубцева, меня, честно говоря, коржила, пугала, приводила в ступор. У всех моих одноклассников были фамилии как фамилии – Орлов, Бочарова, Матвеева, Красноярский – а меня как вызовут к доске – Стародубцева! – так сразу дуба-то и дашь. В общем, я была непрочь обзавестись более благовидной...

– Телкин, – представился принц Эдуард.

С тех пор я влюбилась в свою фамилию, а принц печального образа Телкин навсегда занял отведенное ему место в

МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ.

Невинность юрского периода

В одно прекрасное утро на территорию пионерского лагеря, где я уже вторую смену подряд работала старшей вожатой, зарулил лихой парень на мотоцикле. О, в ту пору я обожала этих тархтящих железных зверей, разрывающих своим ревом покой городов и сел, проходящих сквозь любые джунгли и болота, встающих на дыбы и взлетающих на одном колесе по бесконечным лестничным маршам, сверкающих на солнце своей металлической шкурой. От этих двуногих вездеходов неотделимы были мои первые девические представления о романтике. Как я любила оглохнуть от ветра в ушах, сидя на закорках мотобуцефала и обнимая за плечи желторотого рыцаря в шлеме с пластиковым забралом и в кожаных доспехах, какой это был восторг! Незнакомец-лихач ворвался в лагерь откуда-то со стороны леса, на полном газу вылетел на стадион, пару раз вскипятил под мотоциклом гравий беговой дорожки вокруг футбольного поля, встал на «козла», отвалив всем пионерам челюсти, изрешетил взглядами сердца дамской половины населения, словом, произвел впечатление и растворился в клубах выхлопного газа.

– Эффектное начало! – сказала я Лене, вожатой старшего отряда. – Замах рублевый...

Удар не заставил себя долго ждать.

Как-то на склоне дня Лена заговорщически схватила меня под локоть и увела с прямой тропинки от домика до туалета на кривую, ведущую в одичалую яблоневою глушь, и там, под паутиной ветхозаветных деревьев, зашептала мне на манер змея-искусителя:

– Один парнишка хочет с тобой познакомиться, тот, который приезжал сюда на мотоцикле, помнишь?

– А!!! Ну?..

– Витек его зовут.

– Витек?

– Ну, Виктор. С ним будет мой Сашка.

– Уже твой? Когда это ты успела?

– А что?

– Да ничего.

– Там еще один мужик будет на старой «Волге».

– Где это там?

– Они хотят с нами встретиться сегодня в лесу.

– Вечером? В лесу? Да еще с мужиком каким-то?

Не знаю, Ленка, наверное, думала обо мне невесть что, если была так уверена в моем согласии. Конечно, она была на полтора года меня моложе и, откровенно говоря, не так красива, как я, поэтому, видимо, и считала меня старой развратницей, хотя я в свои 19 лет, стыдно сказать, даже не целовалась ни с кем, не то чтобы бегать в лес по вечерам на свидание с незнакомыми парнями. Потом я как-никак комсомолка, старшая пионервожатая, и обязана по уставу не покидать

территории лагеря ни при каких обстоятельствах ни днем, ни ночью. А тут такая крамола! Нет, это предложение явно было не по адресу. К тому же, что это еще за мужик на старой «Волге»? Это просто форменное безобразие. Я его моментально представила себе каким-то дореволюционным дикарем-крестьянином, нечесаным и грязным, обросшим бородой, в косоворотке и лаптях, с ладонями-лопатами и глуповатым взглядом Иванушки-дурачка.

– Да мужика ты не бойся, – успокоила меня Лена. – Я для него прихвачу Катьку с восьмого отряда.

Ничего себе словечко «прихвачу», мелькнуло у меня в голове.

– Нас будет трое, их будет трое, мне будет не так страшно.

– А что, будет страшно?

– Да ничего не страшно. Пойдем?

– Пойдем, – удивленно услышала я свой ответ. Елки-палки, у меня в старшем отряде пионеры-двенадцатилетки, и те в кусты бегают целоваться, а меня никто не любит.

Как стемнело, мы втроем собрались в условленном месте, и Лена повела нас за собой. Все мы принарядились, мои подруги выбрали платья приглушенных тонов, зеленого и синего, чтобы было легче скрываться во мраке от любопытных глаз, а я, как дура, напялила белое – ну, правильно, в чем же еще должна принцесса отправляться на свидание с принцем?

Автомобильные фары пронзили яркими лучами извивающуюся в лесных зарослях ухабистую просеку. Слабый ве-

терок рылся в листве, будто что в ней потерял. Не отвечая моим ожиданиям, вместо крестьянина из машины навстречу нам вылезло куда более ужасное существо: наголо обритый орангутанг, без бороды и лаптей, но зато с волосатыми руками и золотым зубом во рту. Оно обвело нашу троицу изумленным взглядом и сипато воскликнуло:

– Мать моя женщина: Роза Люксембург, Клара Цеткин и Надюша Крупская!

Глядя на этого австралопитека с наколками на плечах, я недоумевала, за что Лена назвала его мужиком? За то, что он всю дорогу травил анекдоты про Ленина, Сталина, Брежнева и про всех остальных членов Политбюро ЦК КПСС? В его глазах таилась такая звериная злость, какой мне больше никогда не доводилось встречать в людях. Он мог смеяться, изображать пламенного вождя революции или отца народов, показывать карточные фокусы или с похотливыми замечаниями обучать вождению на автомобиле, но при этом его глаза излучали такое презрение и ненависть ко всему окружающему, что мороз пробирал по коже. Я не могла выдержать его взгляд больше секунды. Думая об этом чудовище, я украдкой смотрела на Катю и видела в ее глазах еще больший ужас. Первые минуты она стояла, как загипнотизированная, не в силах ни улыбаться его шуткам, ни отвечать на скабрзные комплименты. Как мне было жаль ее в эти мгновенья! Ох, как же ей повезло с принцем!

Мой принц, однако, при ближайшем рассмотрении тоже

оказался не подарком. Этот, в отличие от своего предшественника, уже научился добывать огонь из зажигалки, курить дешевые папиросы, пить водку и охотиться на таких несмышленных мамонтов, как я. Рваные грязные кеды, джинсы в лохмотьях и распираемую грудной мускулатурой футболку, из которой ненужными плетями свешивались волосатые руки с длинными, толстыми черными ногтями, венчала скупая улыбка со злорадными пробоинами в зубах по обоим уголкам рта. Витек, в профиль напоминающий штрейкбрехерского молодчика, представился мне выпускником монтажного училища, ярим поклонником «Роллинг Стоунза» и любителем выпить и закусить, чем и предложил нам всем немедленно заняться.

– Я никогда не пила водку, – это были первые и единственные за весь вечер Катины слова.

Катина способность говорить была воспринята как чудо. Все повернулись к ней, а ее первобытнообщинный ухажер аж икнул от изумления:

– И я тоже не пила, – поддержала я Катин почин.

– А я – пила? – ухмыльнулся любитель выпить и закусить.

– Ты хуже, Витек, – прорычал питекантроп. – Ты туп, как серп и молот.

Через три анекдота нас с Катей уломали пропустить по «стопарику», к тому же Ленка оказалась своим игроком в чужой команде. Прижимаясь к индифферентному, мутному Сашке, она все подначивала нас:

– Ну, давайте, не бойтесь, залпом, давайте залпом.

Катя сдалась первой, а за ней следом и я шагнула в неведомое. Обе мы действительно пили впервые, у Кати даже первый глоток водки выскочил из горла обратно, и нас обеих развезло основательно. Не особо интересуясь тем, что испытывают мои подруги, я вдруг ощутила прилив сил. Лес куда-то поплыл, меня потянуло пойти прогуляться.

– Я – в лагерь, – сказала я и попрощалась с Виктором, у которого после моих слов глаза стали круглее, чем колеса. – Провожать меня не надо, дорогу я найду сама.

Ветвистый мрак сплошной стеной обступил меня со всех сторон. Горячая кровь бурлила во мне, словно в кипящем чане, и листва, в которую я постоянно утыкалась лицом, шипела на меня, как ошпаренная. Идти было тяжело и забавно одновременно. Земля встречала вышедшее из повиновения тело не в том месте, где ее ожидала встретить нога. От этого мое продвижение мне самой стало напоминать винегрет из танцев всех народов мира. Больше других в походке ощущалась лезгинка, ноги то выстреливали вверх, то беспомощно повисали в воздухе, руки отбрасывали налево-направо лезущие в глаза ветви, при этом туловищу не были чужды нанайские и папуасские мотивы. Неудивительно, что я поначалу приняла как должное чьи-то шаги за спиной – шаги партнера по винегрету, но уже в следующее мгновение я решила, что за мной увязался коммунистический неандерталец, испугалась и бросилась наутек. Неповторимая пляска выродилась в

банальную беготню. Мой безобразный преследователь быстро догнал и схватил меня, уже летящую в какую-то яму. Этот зверь помог мне устоять на ногах, развернул меня к себе и неожиданно принял очертания штрейкбрехера. Витек – не Витек? Он – не он?

– А что ты, собственно говоря, бежишь? – урезонил он меня, переводя дыхание. – Пойдем вместе, а то одной, наверно, боязно.

Он. Слава богу, а то я уже распрощалась с жизнью.

– Чего бояться – лес как лес.

– А я? Со мной тебе не страшно?

Ветер с яростной силой ударил в кроны дубов и осин. Даже от пьяной, от меня не скрылся тонкий намек на толстые обстоятельства. От очевидности его намерений все внутри похолодело.

– Ну, ты же не оборотень.

– Не оборотень, а мотоциклы краду. Я вор.

О, как интересно! Значит, мы имеем дело с преступным элементом. Ну-ну... Пожалуй, моя радость по поводу замены неандертальца на чистокровного арийца была преждевременна. От первого хоть знаешь, чего ждать – сначала откусит голову, потом изнасилует, а этот все может сделать шиворот-навыворот.

Я вышла на дорогу, тянущуюся вдоль поля, огляделась кругом и поняла, что все это время шла и бежала не к лагерю, а от него. В безлюдном месте, где мы очутились, не на-

блюдалось никакого жилья.

– А куда нужно идти, – с трудом ворочала я языком, – чтоб попасть... куда-нибудь?

– Нужно идти по шоссе, – ответил Витек. – Пойдем со мной.

И правда, мы обогнули лесок, и вдали замерцали какие-то огоньки.

– Если пойдешь прямо – выйдешь к лагерю. А вот сюда, – Витек махнул рукой во тьму, – там у меня гараж. Если хочешь, пойдём музыку послушаем. Сейчас и Ленка подъедет с Саньком на мотоцикле. Посидим вчетвером, послушаем. А потом я тебя отвезу обратно.

Толстые обстоятельства стремительно набухали. Понятно, о какой музыке зашла речь. И понятно, что это предложение вступало в неразрешимое противоречие с моими идеалами, ибо мамиными увещеваниями и папиной ладонью в меня было накрепко вколошмачено, что порядочной девушке без любви нельзя ни шагу ступить, ни подпрыгнуть, ни приземлиться. Где вы, комсомол, красное знамя, товарищ Ленин, пионерский галстук, коммунистические субботники, общественно-полезный труд, сборы макулатуры, за которые я судорожно цеплялась, как утопающая за соломинку? Их уже смыло половодьем грязных анекдотов человекообразного татуированного аборигена, и ничего, кроме родительских наказов, в душе не оставалось. Но ведь мне **ОЧЕНЬ** хотелось послушать ЭТУ МУЗЫКУ. Ветер нещадно трепал приземи-

стю чашу вместе с люцерновым полем, хлестал меня по щекам моими собственными волосами, и я понимала, что не могу сказать «нет» проснувшейся во мне революционерке, жадно ищущей крови, предательств и преступлений во имя блага пролетариев всех стран.

– Так значит, говоришь, не боишься меня? – промолвил непринципиально после долгого молчания.

«А что ты, собственно говоря, собираешься делать?» – хотела я спросить, но испугалась. А вдруг ответит: убью, в землю закопаю и надпись напишу? Ну, не убийца же он. Только вор.

– А если я скажу, что человека убил?

О, какая я все-таки проникательная!

– Как же это?

– Вот так. Ножом. Грабили с Саньком магазин, как раз мотоцикл, а тут сторож подвернулся, ну, я его и пырнул.

– Насмерть?

– Да он старик был...

Принц-убийца – ух, как разворачивается интрига – это ж буря и натиск! Будет, что вспомнить. Если останусь в живых. А я еще хотела в лагерь возвратиться, дура, самое интересное пропустила бы. Сердцем в пятках чувствую проселочную дорогу, но бежать не могу, да и не хочу, несмотря на то, что смертельно страшно. Не убьет же он меня?! В конце концов, не за этим же он ведет меня к себе в гараж?!

– А ты не боишься, что я могу тебя убить?

От ужаса правую ногу свело судорогой, и я остановилась, медленно распрямляя ее в колене, натягивая на себя носок.

– З... зачем?

– Зачем, зачем – как свидетеля.

– Какого с... сви?..

– Моих признаний.

В темноте невозможно было разобрать выражение его взгляда. Он стоял напротив меня серой неразличимой тенью. Небо было затянуто свинцовыми облаками, бледные искры поселка слабо мерцали вдали у него за спиной, ни малейшего лучика света не падало на его лицо. О том, что он думал в этот момент, можно было догадаться только по его движениям, но даже этой малости я была лишена. Он стоял, как вкопанный, под продувным ветром, не шевеля ни единым мускулом, стоял и хладнокровно ждал, чем я отвечу на его вызов. Одна в своем нелепом белом платье посреди доисторической темени и разбушевавшейся стихии я ощутила себя микроскопической песчинкой, которую раздави – и никто не заметит, которую и раздавить-то – проблема, потому что эта песчинка ничтожно мала. И вот, в самый отчаянный момент, когда песчинка уже набрала воздуха в легкие, чтобы заорать «Ой, мамочки, спасите!» и собралась очертя голову втопить к лагерю, свет фар и рев мотора милицейского «ГАЗика» разорвал в клочья томительную тишину ночи.

– Иди сюда – милиция!

Кювет, куда меня вслед за собой дернул Витек, резко пах-

нул сыростью и блаженным ужасом. Так, значит, он не собирался меня убивать? Значит, это была шутка, пустая бравада, проверка на вшивость? О, как здорово – в голове прокрутился весь словарный запас Элочки Шукиной – мы от кого-то прячемся, как казаки-разбойники, нас кто-то ловит, мы сейчас нарисуем стрелку, указывающую в поле, а сами залезем на дерево и будем сидеть там до тех пор, пока наши почерневшие от горя родители не выкорчуют весь лес. Вот где размах, широта, риск, вот, что необходимо мне для нормального пищеварения!

– Если выдашь меня, убью! Ненавижу ментов.

Он тоже кого-то боится, подумала я. Значит, не убьет. Страх отпустил, и осталась одна только усталость.

– Каких ментов? Я ничего не соображаю. Я спать хочу.

– Заткнись!

Машина проехала мимо нас и удалилась. Мы молча выползли из леса на дорогу, отряхнулись.

– Я иду в поселок, – сказал Витек. – Хочешь – иди со мной, не хочешь – проваливай.

Хмель наполовину выветрился из моей головы, но ему на смену пришла непобедимая сонливость. В придачу к этому мы уже далеко отошли от лагеря, я боялась заблудиться, боялась, что меня может кто-нибудь изнасиловать, например, дрессированная обезьяна, обглодавшая Катины останки.

– Куда? И как? Я одна не смогу, – простонала я.

Витек усмехнулся и засунул руки в карманы. Судя по все-

му, он собрался бросить меня здесь на дороге одну. Нахал! И тут меня осенило. Я придумала способ, как заставить его проводить меня до лагеря, – шантаж!

– А чего это ты разоткровенничался со мной? Я завтра всем расскажу в лагере, что ты убил сторожа и украл этот самый... мотоцикл.

Моя угроза подействовала. В следующее мгновение я приземлилась на люцерну, а на меня сверху приземлился Витек и принялся копошиться на мне, как жук.

– Ты что, дурак? Я еще девочка. Со мной надо поаккуратнее.

– Чего ты туфту гонишь? Какая ты девочка? Целкой прикидываешься? – проскрипела жвалами темнота.

– Да ты что? Мне больно. Я сейчас закричу.

– Только попробуй. Людей созовешь – тебе же хуже будет. Ничего ты не докажешь. Скажу, что ты б... городская, и мне поверят. Меня здесь все знают, а тебя никто. Так что молчи лучше, курва!

Ветер внезапно стих. Неприглядный недоношенный бутон толстых обстоятельств распустился на люцерновом поле кошмарным цветком, взирая на который с вышины, лес окаменел и поседел. Так, по крайней мере, мне показалось, когда я через Витькино плечо взглянула на верхушки осин. Но нет, это всего лишь месяц вышел из-за туч и посеребрил листву.

Веселое чириканье протуберанца

Поиски моего избранника – главное дело всей жизни – зашли в тупик. Принц не желал просто так, за здорово живешь даваться мне в руки. Но счастье надо отстаивать с кулаками, ничто в этом мире не достается легко. Эту истину я хорошо усвоила еще со школьной скамьи, где учителя и комсомольские вожаки поднимали наш боевой дух рассказами о героических подвигах покорителей целины и первопроходцев БАМа. Поэтому, чуть-чуть подкорректировав свои жизненные ориентиры, я решила не предаваться отчаянию и отдала документы в Ярославское театральное училище имени Волкова для того, чтобы, закончив его, переехать в Москву, устроиться на работу во МХАТ или в Ленком, стать актрисой, прославиться на весь мир и на самом пике популярности как приз, как награду за неослабевающую веру в достижимость нереальной мечты заполучить себе какого-нибудь приличествующего моему высокому положению долгожданного порфиноносца.

Как только новый светлый путь соединился в моем воображении с прежней целью, образовав в сознании некую кривую поступательного движения и роста, судьба нанесла по моим планам на будущее первый удар – провал на вступительных экзаменах в училище. Слетев со второго тура, я поняла, что отыскать принца будет крайне тяжело. Однако,

стряхнув с себя все сомнения, я решила зайти к исполнению своих желаний со служебного входа и, чтобы год не пропал даром, пошла работать в Русский драматический театр одевальщицей. Злодейка-судьба явно не ожидала от меня такого коварства, поэтому в первые минуты моего появления за кулисами театра растерянно отползла в сторонку и стала сообщать, что же со мной делать дальше. А я тем временем уже знакомилась с человеком, который по ее навету «зарубил» меня на вступительных экзаменах, набрав себе на курс бластных бездарей и выскочек. Этим злодеем был один из ведущих актеров театра, невысокий, полноватый, лысый и медлительный мужичишка в возрасте, считающий себя чуть ли не Станиславским, Василий Громов, которого все за глаза называли Васей. Встретив меня в коридоре театра как родную и по-отечески разговорившись со мной, Вася главной причиной моего провала на экзаменах назвал «дефицит женственности». Я была оскорблена, изумлена, потрясена его весьма уместным признанием, его представлениями о том, какой должна быть настоящая женщина, и длинным перечнем тех черт, которых мне, на его взгляд, не хватает, но вскоре вердикт умудренного опытом знатока, ценителя женской красоты и изящества, к моему ужасу, подтвердился – на мои хрупкие девичьи плечи обрушилась вся мужская половина труппы. Маститые актеры вместе с выпускниками училища, игравшими дипломные спектакли, выстроились в очередь на получение звания моего любовника. Каждый день по воз-

вращении домой я брала себе в провожатые нового попутчика. В такой ситуации я оказалась впервые, от беспрестанных комплиментов, цветов и признаний у меня пошла кругом голова. Кое-кто из моих воздыхателей, получившие от ворот поворот, в том числе и Вася, от досады, со злости стали опутывать меня сплетнями.

Но мне дела не было до взрослых мужчин-артистов и до их мелкой возни, меня занимала молодежь. Восторженные, экстравагантные студенты, игравшие свой диплом, вихрем носились по театру, создавая невообразимый шум и трескотню в коридорах. Они еще мало представляли себе, в каких монстров они превратятся, когда станут народными и заслуженными. Они были чисты и наивны, беззаботны и неосмотрительны, и этим привлекали к себе всеобщее внимание и любовь. Вести их спектакль в качестве одевальщицы я сочла за счастье. Я рассыпалась перед судьбой в благодарностях за предоставленную мне возможность просто постоять на подмостках, полюбоваться игрой молодых, блестящих талантом актеров, посидеть на их репетициях и прогонах, послушать заумные речи режиссера и приоткрыть для себя кое-какие секреты театральной кухни.

Первым моим открытием стало важное умозаключение по поводу исполнителя главной роли в мольеровском «Скупом». На третий день работы в театре я поняла, что рядом с нами бок о бок подрастает, учится и делает первые шаги в искусстве настоящий гений. Как ему удавалось так перевопло-

щаться, что в жизни он был одним человеком, а на сцене – совершенно другим, я долго не могла взять в толк. Менялось его лицо, походка, внешность, тембр голоса, смех, манера одеваться – менялось абсолютно все. Потом, правда, загадка перевоплощения главного героя неожиданным образом разрешилась, когда мне объяснили, что спектакль игрался в два состава с двумя разными исполнителями роли Журдена, но даже от этого объяснения игра обоих актеров не стала хуже. Открытие наличия в театре двух составов на один спектакль стало моим вторым важным умозаключением. Третьим моим важным умозаключением явилось то, что я в кого-то из этих Журденов втрескалась по самое «ой-ой-ой».

В жизни они были полной противоположностью друг другу. Первый – Женя Милорадов – тихонько ходил по театру, изящный, тонкий, весь как тень, заглаженный, завуалированный. Второй – Ведерников Мишка – наоборот никогда не признавал костюмчиков, пуловерчиков и рубашечек с галстучком первого. Он носил кожаную куртку на заклепках, застёжках и молниях, черные кожаные штаны в обтяжку, летал, как ураган, брейковал на ходу. Наделенный от природы невероятной пластичностью, он ни минуты не мог оставаться спокойным. На его некрасивом лице, черты которого ускользали от наблюдения и запоминания, то и дело вспыхивала потрясающая обаятельная улыбка. Это был настоящий протуберанец, словно на заказ созданный специально для сцены. К чести Жени надо сказать, что оба актера на пло-

щадке были в равной степени искрометны и обаятельны.

Разумеется, я полюбила второго, ненормального, мне такой и был нужен – дурной, взбалмошный и светящийся, как крокодил, который проглотил солнце, но, как назло, этот крокодил не обращал на меня внимания. Все мужики уживались за мной, кто во что горазд, а Мишка держался особнячком. Я, памятуя о дефиците женственности, открыла сезон охоты на это непонятное, но привлекательное существо, обложив его со всех сторон капканами и ловушками кокетства, оплетья сетями внимания и ласки, и вскоре моя охотничья изобретательность принесла свои плоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.